Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

СРЕДНЕРУССКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ – ФИЛИАЛ

На правах рукописи

ЦАРИК Владимир Станиславович

Формирование системы противодействия «российской информационной угрозе» на Западе (2014-2019 гг.): концептуальный и институциональный аспекты

Аннотация диссертации на соискание
ученой степени кандидата политических наук
по специальности 5.5.4. – «Международные отношения, глобальные и региональные исследования»

Научный руководитель:
кандидат политических наук, доцент
Малахова Оксана Владимировна

Орёл, 2023

Основные результаты диссертации В.С. Царика
«Формирование системы противодействия
«российской информационной угрозе» на Западе (2014-2019 гг.):
концептуальный и институциональный аспекты»

Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук по специальности 5.5.4. – «Международные отношения, глобальные и региональные исследования» Царика В.С. представляет собой самостоятельное законченное исследование концептуальных основ и институциональных рамок процесса формирования системы противодействия «российской информационной угрозе» в странах Запада в период 2014-2019 гг. В работе представлен комплекс выводов, содержащих научную новизну, вносящих соответствующий вклад в развитие отечественной политической науки и имеющих практическое значение для разработки внешнеполитической стратегии и информационной политики российского государства.

Актуальность темы диссертационного исследования. В 2014-2021 гг. в западном публичном пространстве регулярно звучали обвинения России в применении деструктивных методов информационного влияния, которым приписывали экстраординарную, практически экзистенциальную, угрозу национальной безопасности и общественной стабильности государств Запада. Эти обвинения получили не только значительный медийный резонанс, но и экспертно-академическое обоснование, а, с течением времени, и политическое оформление, превратившись в одну из не подлежащих сомнению констант западного дискурса и немаловажную составляющую общего конфронтационного курса в отношении нашей страны, развёрнутого Западом после кризиса 2014 г. На базе данных обвинений была выстроена целая система противодействия «российской информационной угрозе», состоящая из формальных и полуформальных государственных и международных механизмов, а также целой сети внегосударственных структур и инструментов,

чьей функцией являлось выявление и нейтрализация якобы распространяемых российским руководством дезинформации, пропаганды и «фейковых новостей».

Это была не классическая информационная война, понимаемая как действия по нанесению ущерба противнику с помощью информационных средств воздействия, например, дезинформации госаппарата или деморализации населения. Это явление иного порядка, связанное не столько с воздействием собственно на политическую систему и общество Российской Федерации, сколько с закреплением определённых идеологем и установок в отношении нашей страны в западном политическом пространстве. Фактически, конструирование образа России как абсолютного деструктора, ведущего «гибридную агрессию» против либерального миропорядка, и создание специальных органов, призванных её отражать, в корне изменили порядок формирования политики Запада, его институтов и государств в отношении России, сложившийся в постбиполярный период и представлявший собой, пусть и не очень устойчивый, баланс между ограниченно кооперативными подходами традиционных российских партнёров в Европе и конфронтационным дискурсом, продвигаемым Великобританией и рядом новых членов НАТО и ЕС из числа государств Центрально-Восточной Европы. По мере оформления системы противодействия «российской информационной угрозе» антироссийский конфронтационный дискурс приобрёл качество магистрального вектора политического курса Запада в отношении России. Благодаря этому, на момент начала специальной военной операции (СВО) на Украине и перехода геополитической конфронтации с РФ в «горячую» фазу, Запад уже выстроил полноценный механизм подавления любых положительных в отношении России позиций, позволивший в относительно сжатые сроки добиться разрыва кооперативных связей с Россией в экономической, научной и культурной плоскостях, несмотря на объективные потери от такого разрыва для собственной экономики и безопасности.

Для российской дипломатии и политической науки формирование подобной системы информационного противодействия стало неожиданным и довольно серьёзным вызовом, который нельзя недооценивать, игнорировать или списывать сугубо на внутриполитическую конъюнктуру некоторых западных стран. Однако приходится констатировать, что к настоящему моменту этот вызов так и не получил должного академического осмысления и политического ответа, соответствующего его значимости для реализации национальных интересов России и её внешнеполитического курса. Это обуславливает необходимость комплексного изучения процесса инициирования, формирования и эволюции системы противодействия «российской информационной угрозе» на Западе во всех её аспектах и проявлениях, в систематизации имеющихся фактических данных для понимания механизмов функционирования данной системы и её деструктивных эффектов для статуса и авторитета России на международной арене. Это позволит, в том числе, сформировать адекватную оценку текущего положения дел во взаимодействии с коллективным Западом с учётом целей и задач СВО и возможностей договорных путей достижения этих целей.

Под «российской информационной угрозой» в данной работе подразумевается не конкретный термин из западной политической риторики, а совокупность действий в информационной сфере, в которых обвиняли Россию, её политическое руководство и граждан в западном медиапространстве после 2014 г. и которые расценивались как угроза политической стабильности и либерально-демократическому порядку. В неё входят так называемая «российская пропаганда», деструктивная работа «русских хакеров», ботов и троллей, «российское вмешательство» во внутренние политические процессы в западных странах и ведущаяся Россией «кибервойна со свободным миром».

Масштабность исследуемого феномена обусловила необходимость сфокусироваться на наиболее важных, на наш взгляд, его компонентах, а именно концептуальном и институциональном аспектах западной системы противодействия «российской информационной угрозе» на её государственном

и межгосударственном уровнях. В то же время практический аспект её функционирования и задействованные в ней внегосударственные механизмы остались за рамками данной работы и могут стать предметом дальнейших исследований этой крайне актуальной и интересной проблематики.

Объект исследования: система противодействия «российской информационной угрозе» на Западе, начавшая формироваться в 2014 г. в результате так называемого «украинского кризиса» и последующих событий в Крыму и на Донбассе и построенная вокруг центрального тезиса об экзистенциальной опасности данной угрозы для всего западного либерального порядка.

Предмет исследования: концептуальный и институциональный аспекты системы противодействия «российской информационной угрозе» на Западе, процесс их дискурсивного оформления в академическом, общественном и политическом пространстве Запада, утверждения в качестве официального курса западных государств и институтов в соответствующих программных и позиционных документах и закрепления в их институциональной инфраструктуре.

Цель исследования заключается в выявлении основных субъектов, инструментов и структур, задействованных в процессе конструирования, дискурсивного оформления и формально-институционального закрепления системы противодействия «российской информационной угрозе» на Западе, определении их роли в данном процессе.

Для достижения поставленной цели определены следующие **исследовательские задачи:**

1) установить, когда и под действием каких факторов происходит формирование представления о «российской информационной угрозе» в западной политической науке;

2) проанализировать происхождение, содержание и политические функции дискурса о «гибридной войне» как концептуальной основы западной системы противодействия «российской информационной угрозе»;

3) дать оценку представлению о «российской информационной угрозе» как одного из ключевых компонентов дискурса о «гибридной войне» в западной академической и экспертной среде;

4) выявить ключевые векторы формирования институциональных рамок информационного противодействия России на уровне западных межгосударственных объединений в период 2014-2016 гг.;

5) определить особенности первичной реакции на «российскую информационную угрозу» на уровне органов власти национальных государств;

6) раскрыть основные направления и движущие силы развития механизмов противодействия «российской информационной угрозе» в США после избрания Д. Трампа;

7) исследовать специфику выстраивания институциональной инфраструктуры противодействия «российской информационной угрозе» в европейских государствах в период 2017-2019 гг.;

8) охарактеризовать эволюцию институциональных механизмов информационного противодействия России на уровне западных международных организаций в период 2017-2019 гг.

Хронологические рамки исследования включают период с конца 2013 г., когда в ходе «евромайдана» на Украине стали звучать обвинения в предвзятом освещении его событий некоторыми российскими СМИ, а сопротивление промайданным политическим переменам в стране начали приписывать «кремлёвской пропаганде», до конца 2019 г. Выбор верхней хронологической границы обусловлен тем фактом, что именно к этому времени завершилось формирование официальной нормативной и институциональной базы системы противодействия «российской информационной угрозе» на международном и национальном уровнях, после чего начался этап практического задействования данной системы с параллельным упразднением некоторых неправительственных проектов и структур, чьи функции получили закрепление на официальных уровнях. С началом специальной военной операции РФ на Украине 24 февраля 2022 г.

для данной системы открылся новый этап, когда она стала главным генератором информационного потока о происходящих событиях и фактором, в значительной степени определяющим политическую повестку дня и тем самым влияющим на ход боевых действий.

При этом в работе учитываются особенности формирования представления о «российской информационной угрозе» на предыдущем историческом этапе, когда представление о том, что Россия располагает инструментами информационного влияния и может задействовать их в своей внешней политике, только начало распространяться.

Основная гипотеза исследования. Концепции «российской информационной угрозы», «информационной агрессии», «кремлёвской пропаганды и дезинформации» являются не результатом «стихийной» попытки западных академических и политических кругов осмыслить события 2013-2014 гг., а целенаправленно сформированным, управляемым идеологическим конструктом, намеренно созданным антироссийскими силами на Западе и последовательно возведённым в ранг политической нормы для гипертрофирования враждебного образа России на Западе, для выстраивания барьеров на пути возможного политического сближения после исчерпания конфликтного потенциала «украинского кризиса» и для снижения субъектного потенциала России как актора на международной арене. На базе данных концепций была выстроена самостоятельная система информационного противодействия России с вовлечением в неё как негосударственных «мозговых центров», представителей академической науки и экспертного сообщества, организаций гражданского общества, средств массовой информации, так и официальных государственных и межгосударственных структур, силовых и внешнеполитических ведомств, политических партий и высших чиновников. Представив Россию и инициатором конфронтации, и первопроходцем в использовании недопустимых методов «гибридной войны» и «информационной агрессии», архитекторы этих концепций смогли направить противостояние с Россией по

заданному ими руслу, в том числе легитимизировать использование против неё самых жёстких инструментов политики «сдерживания». В результате конструирования системы противодействия «российской информационной угрозе» на Западе создана устойчивая плоскость политической конфронтации с Россией, поддерживаемая за счёт усилий неофициальных и полуофициальных структур и не зависящая от собственно действий или политики российского руководства.

Теоретико-методологическую основу исследования составляет теория социального конструктивизма, в соответствии с базовыми положениями которой факты политической жизни являются продуктами социального конструирования участниками политических процессов и приобретают самостоятельное значение и влияние по мере закрепления в автономных от акторов социальных структурах – дискурсивных, нормативных, институциональных и т. п. Эта теоретическая позиция сформировала исследовательскую призму диссертационной работы, в которой «российская информационная угроза» и её концептуальная основа в виде дискурса о «гибридной войне» изучаются как продукты намеренного социального конструирования определённым кругом агентов в западном политическом пространстве.

Исходя из данной позиции, стержневым для проведения исследования стал метод отслеживания процесса (*process-tracing*), позволяющий реконструировать порядок и ход формирования системы противодействия «российской информационной угрозе» на Западе, выявить первичные источники дискурса о «российской пропаганде и дезинформации» в 2014-2015 гг., механизм распространения, логику его развития и способы институционального закрепления на государственном и международном уровнях в последующие годы. Для исследования концептуальной основы данной системы широко использовался дискурс-анализ, а также юридический и лингвистический анализ документов. Формирование и закрепление функций по сдерживанию и противодействию «российской

информационной угрозе» в государственном аппарате отдельных западных стран и структуре международных организаций исследовалось с существенной опорой на структурно-функциональный и структурно-институциональный анализ. Для сопоставления и сравнения продвижения отдельных государств по пути построения механизмов отражения «российской информационной угрозы» был использован компаративный метод.

Следует отметить, что специфика предмета исследования, находящегося в стадии развития и претерпевающего изменения в период написания работы, а также включающего в себя несколько различных уровней анализа, связи между которыми нужно было установить в ходе исследования, обусловила необходимость поиска, отбора, оценки и синтеза в единой картине значительного массива разнородных фактологических данных, что повлекло за собой расширение эмпирической базы работы и приоритет методик систематизации и генерализации информации.

Источниковая база. Исследование опирается на широкий спектр источников различного типа, в том числе:

А) Нормативная база

– официальные документы НАТО, Европейского союза и других ведущих западных международных организаций и отдельных их органов, в том числе итоговые документы саммитов, позиционные заявления, программные и стратегические документы, инициативы в области информационной политики, обосновывающие наличие «российской информационной угрозы» и необходимость её отражения;

– официальные документы отдельных западных государств, а также их внешнеполитических и оборонных ведомств, законодательные инициативы, отчёты и доклады, прямо или косвенно затрагивающие тематику «российской информационной угрозы» и содержащие описание допустимых мер противодействия данной угрозе;

Б) Эмпирическая база

– публичные заявления западных, в том числе восточноевропейских, политических деятелей, выступления в СМИ официальных лиц, дипломатов и лидеров оппозиционных движений, экспертные выступления;

– академические публикации, материалы негосударственных аналитических центров, доклады по информационной политике, описывающие опасность «российской информационной угрозы» и призывающие к принятию мер для её нейтрализации;

– пропагандистские и агитационные сайты, материалы журналистских расследований, публикации в СМИ и социальных сетях.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в отечественной науке комплексно в качестве единой системы рассматривается сформированный на Западе в 2014-2019 гг. набор механизмов и инструментов по конструированию так называемой «российской информационной угрозы», её утверждению и противодействию; анализируются концептуальные основы данной системы, её институциональный механизм и функции в общем контексте конфронтации Запада с Россией. Помимо этого, другие элементы научной новизны работы включают:

– введение в отечественный научный оборот значительного массива не исследованных до этого официальных документов и академических работ, выделение ключевых «реперных» публикаций, задававших рамки западного дискурса о «гибридной войне» и «российской пропаганде»;

– осмысление дискурсов о «гибридной войне» и «российской информационной угрозе» как продуктов дискурсивного конструирования в западном академическом и публичном пространстве, использованных для объединения в единое целое конвенциональных, иррегулярных, экономических и информационных средств ведения войны и международной конкуренции и для приписывания России роли инициатора в использовании подобных средств для реализации военно-политических целей;

– формирование представления о системе противодействия «российской информационной угрозе» на Западе как о дисперсной сетевой конструкции, состоящей из ряда официальных и полуофициальных органов, аффилированных с западными международными организациями или функционирующих непосредственно в их структуре, и опирающейся на значительный негосударственный компонент в виде различных экспертно-аналитических институтов и волонтёрских проектов;

– выделение основных этапов развития западной системы противодействия «российской информационной угрозе» на международном и национальном уровнях, а именно подготовительного этапа в 2006-2013 гг., когда в западном академическом дискурсе начали формироваться представления о наличии у России значительных возможностей для влияния в киберпространстве; начального этапа в 2013-2016 гг., когда были сформулированы и утверждены дискурсивные основы данной системы и заложены её институциональные рамки на уровне западных межгосударственных объединений; и основного этапа в 2017-2019 гг., когда были разработаны ключевые практические инструменты реагирования на «российскую информационную угрозу» и сформированы механизмы её нейтрализации на уровне отдельных государств;

– выявление функций, которые выполняет система информационного противодействия в рамках общего конфронтационного курса Запада в отношении России: во-первых, она закрепляет образ РФ не просто как ситуативного конкурента, а как ценностного антагониста Запада, во-вторых, акцентирует внимание на том, как этот антагонист якобы действует за гранью правил, допустимых в сообществе суверенных государств, чем открывает возможность для Запада не придерживаться этих правил в отношениях с Россией, в-третьих, она поддерживает накал и градус антироссийской напряжённости в западном обществе вне зависимости от реальных действий и заявлений официального руководства России. Тем самым искусственно ограничивается субъектность России как

ответственного суверенного участника международных отношений, дискредитируется её официальная позиция и подрывается её политическая и правовая легитимность в глазах международной общественности.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Разворачивание между Западом и Россией идейно-политической конкуренции за влияние на общества постсоветских стран после серии «цветных революций» середины 2000-х годов использовалось антироссийскими силами на Западе для формирования контуров представления о «российской информационной угрозе». Его основой стала предвзятая интерпретация приписываемых РФ кибератак против Эстонии и Грузии в 2007-2008 гг. как свидетельства наличия у нашей страны потенциала для оказания деструктивного информационного воздействия на сопредельные страны и готовности задействовать его в кризисных ситуациях. Уже на этом этапе к элементам такого потенциала начинают относить не только технические возможности для совершения кибератак, но и другие информационные рычаги влияния, включая пропаганду, работу патриотических активистов и общественных сил, симпатии русских общин за рубежом.

2. Концепт «гибридной войны» является не результатом объективной оценки политических процессов, а продуктом дискурсивного конструирования с использованием экспертно-аналитической и академической формы подачи для имитации научности. Его предназначение заключалось в расширении оперативно-стратегического поля конфронтации Запада с Россией, включающем расширение круга реальных или потенциальных участников конфронтации, расширение сфер и театров оперативных действий и расширение диапазона допустимых к применению средств поражения противника. Дискурс о «гибридной войне» призван сформировать враждебный образ России как беспрецедентной и тотальной угрозы всему либеральному порядку, актора, преследующего нелегитимные цели недопустимыми методами, которые оправдывают аналогично

тотальные меры Запада по отражению данной «угрозы». Механизм конструирования данного дискурса состоял в масштабном тиражировании нескольких ключевых «реперных» публикаций ведущих западных идеологов антироссийского курса (М. Галеотти, П. Померанцева, М. Вайса, К. Жиля, А. Илларионова, А. Поляковой, Э. Лукаса, М. Яйтнер, П. Маттсона), задававших базовые понятия «гибридной войны» и модели их аналитического применения, которые вскоре подхватывались официальными лицами западных государств и межгосударственных объединений, а также представителями академического сообщества. И хотя в научной среде эти понятия вызывали на первых порах некоторые дискуссии, массовость их использования наряду с закреплением на формальном политическом уровне создавала эффект самоочевидности – объективной данности, не требующей дополнительных доказательств.

3. Одним из центральных компонентов концепта «гибридной войны» является представление о «российской информационной угрозе» как комбинации кибернетических, сетевых, информационно-психологических, пропагандистских, дезинформационных, медийных, коммуникативных и иных методов воздействия на общественные процессы западных и других стран, используемых российским руководством в рамках единой глобальной «гибридной» стратегии с целью подорвать либеральный миропорядок, дискредитировать его ценности и дестабилизировать западные демократические институты. Оно было сформировано путём атрибутирования в качестве сугубо российского по своему происхождению и источникам тиражирования целого класса применяемых западными структурами приёмов, манипуляций и технологий влияния на общество, а также ряда бытующих в западном политическом пространстве месседжей, нарративов и идеологем, противоречащих текущему либеральному идеологическому мэйнстриму. Согласно данному представлению, Россия обладает значительным количественным и качественным преимуществом в подобных современных высокотехнологичных и инновационных

инструментах непрямого противостояния, тогда как у Запада сохраняется критическое отставание в этой сфере, обуславливающее его уязвимость перед российскими «гибридными» средствами. Благодаря такому слиянию был сконструирован целостный образ деструктивной «российской пропаганды и дезинформации», поддерживаемый независимо от реальной позиции и действий РФ на международной арене. Конечной целью конструирования «российской информационной угрозы» является делегитимация внешней и внутренней политики России как полноправного субъекта международных отношений, имеющего право отстаивать собственную позицию и преследовать национальные интересы, в том числе, с помощью инструментов «мягкой силы» и публичной дипломатии.

4. На начальном этапе (2014-2016 гг.) разворачивания системы противодействия «российской информационной угрозе» формирование её институциональной инфраструктуры происходило в ориентации на ограниченный масштаб: она воспринималась как непосредственно затрагивающая только русскоязычное пространство и страны с многочисленным русским населением. Ведущую роль в этом процессе играл Североатлантический альянс. Он выступил в числе основных архитекторов официального дискурса о российской «гибридной войне» и информационной угрозе, задал вектор их концептуального осмысления и распространял заданное видение через аналитические материалы и мероприятия своих полуофициальных структур – Центра стратегических коммуникаций в Риге и Центра по сотрудничеству в сфере кибероборонь в Таллине. Оба центра были созданы по соглашению отдельных государств-членов НАТО и получили статус военных органов вне интегрированного командования уже после их создания; особые принципы их организации позволили осуществлять продвижение антироссийских инициатив отдельных государств-членов НАТО в качестве общей позиции альянса. Кроме того, Альянс включил киберпространство и «гибридные угрозы» в сферу своей оперативной ответственности с возможностью задействования гарантий

статьи 5 Вашингтонского договора в ответ на «гибридные атаки» против его участников.

Включение Евросоюза в систему противодействия «российской информационной угрозе» происходило постепенно, начиная с весны 2015 г., под давлением со стороны некоторых государств-членов, НАТО и ряда негосударственных аналитических организаций и «мозговых центров». Работа по определению функций ЕС в рамках данной системы и закреплению их в институциональной структуре Евросоюза проводилась на двух направлениях – реагирования на вызов «российской пропаганды и дезинформации» для политики ЕС в восточном соседстве и создания потенциала для отражения «гибридных угроз» в целом. На первом направлении институционализация произошла довольно быстро, путём формирования летом 2015 г. Оперативной рабочей группы по стратегическим коммуникациям East Stratcom в рамках Европейской службы внешних действий, однако задачи данной группы формально были ограничены выявлением «российской дезинформации» в русскоязычном информационном пространстве. На втором направлении Евросоюз значительно продвинулся по пути признания актуальности информационных и «гибридных» угроз, однако на уровне базовых позиционных документов, принятых в рассматриваемый период (в первую очередь Глобальной стратегии ЕС 2016 г.), прямая увязка этих угроз с Россией была ослаблена.

Борьба с «российской пропагандой и дезинформацией» в НАТО и Европейском союзе в этот период была организована не вокруг императивных ограничительных мер или ведения ответной контрпропаганды, а вокруг выявления фактов и источников распространения подобной «дезинформации», их своевременного «опровержения», повышения «сознательности» самих СМИ и «медиаграмотности» общественности. На практике подобный подход означал регулярную публичную стигматизацию любых фактов и оценок, не вписывающихся в западный нарратив украинского кризиса и последующих событий, в том

числе официальной позиции российского руководства, как ложных, не заслуживающих внимания, основанных на недостоверной информации и «пропагандистских мифах».

5. Вовлечение западных государств в процесс выстраивания системы противодействия «российской информационной угрозы» происходило неравномерно. На начальном этапе можно было наблюдать четыре типа предпринимаемых национальными правительствами мер: а) публичное дискурсивное признание политическими лидерами отдельных стран наличия вызова «кремлёвской пропаганды», б) доктринальное закрепление в позиционных и программных документах общеполитического или, чаще, военно-стратегического характера указанного вызова, в) создание специальных постоянных органов или ситуативных рабочих групп, г) введение ограничительных мер в отношении российских СМИ, общественных организаций или отдельных граждан. Некоторые восточноевропейские государства (Польша, Чехия, Прибалтика) поспешили ввести ограничения против российских СМИ и инициировали вынесение данной темы на обсуждение европейских институтов; Великобритания, скандинавские страны и Нидерланды поддерживали их требования и активно участвовали в создаваемых совместных структурах борьбы с «российской дезинформацией», но не форсировали создание специальных органов на национальном уровне. Государства Западной Европы ограничились дискурсивным признанием наличия угрозы «российской пропаганды» или закреплением её в своих позиционных документах. В США, при значительном присутствии дискурса о «российской информационной угрозе» в публичном пространстве, на официальном национальном уровне были предприняты лишь ограниченные действия на этом направлении в виде фиксации данной угрозы на законодательном уровне и на уровне общего военно-стратегического мышления, однако она не была выделена в качестве самостоятельного основания для введения ограничительных мер.

6. Результаты президентских выборов в США 2016 г. и резонанс вокруг предполагаемого российского вмешательства дали новый толчок процессу выстраивания инфраструктуры подавления «российской информационной угрозы», позволив представить эту угрозу как направленную против безопасности и стабильности Запада в целом, а не только русскоязычного пространства или стран Восточной Европы. В США необходимость противодействия «российской пропаганде» приобрела законодательное и институциональное закрепление, проявившееся в трёх плоскостях – политико-дипломатической, военной и разведывательной. Главную роль в этом процессе сыграли отдельные разведывательные, силовые и правоохранительные структуры, присоединившиеся к уже сформированному симбиозу антироссийски настроенных представителей законодательной власти, экспертной среды и СМИ. Они провели публичное расследование «российского вмешательства» и вынесли на повестку дня вопрос о необходимости «наказания» России за него, прежде всего, через санкционные механизмы в информационной сфере и законодательное закрепление наложенных на Россию санкций без возможности их снятия решением президента. Наряду с одобрением специально созданного для противодействия иностранной пропаганде Центра глобального взаимодействия в рамках Госдепартамента наибольший прогресс был достигнут в военной плоскости, благодаря регулярному усилению полномочий Пентагона в отношении проведения военных информационных операций, в том числе превентивных, скрытых и не достигающих порога прямых боевых действий, в ежегодных законах о военном бюджете. При этом были сняты действовавшие ранее ограничения, связанные с необходимостью межведомственной координации таких операций, а сами они были юридически приравнены к традиционным военным действиям, не требующим особых процедур согласования на уровне политического руководства страны.

7. В 2017-2019 гг. под влиянием медийного резонанса от предполагаемого «российского вмешательства» в избирательные процессы практически все европейские государства перешли к формированию собственных национальных структур для ответа на вызов «российской информационной угрозы». Однако и на этом этапе между ними сохранялись отличия: в одних, наиболее радикальных, случаях (Великобритания, Чехия, Швеция) создавались специальные подразделения в силовых ведомствах, в других речь шла о включении данной угрозы в военно-стратегические программные документы (Бельгия, Польша), в третьих (Франция, ФРГ) процесс свёлся к принятию законодательных актов по ужесточению контроля над информационной сферой и соцсетями со стороны национальных регуляторов. Ведущей тенденцией в развитии системы подавления «российской информационной угрозы» на уровне национальных европейских государств в данный период стало законодательное оформление нормативной базы контроля за информационным пространством, СМИ и социальными сетями с обязательствами последних удалять нежелательные материалы, квалифицированные как дезинформация, и возможностями государственного контроля за их удалением. В становлении инфраструктуры борьбы с «российской информационной угрозой» в рассматриваемый период особую роль играла Великобритания. Несмотря на то, что в британском государственном аппарате степень институционализации функций, связанных с информационным противодействием России, оставалась не самой высокой, официальный Лондон выступил в роли активного генератора дискурса об исходящих от России «гибридных угрозах» на международной арене, принял наиболее жёсткие ограничительные меры в отношении российских СМИ, а его представители участвовали и осуществляли руководство многими международными структурами, созданными для борьбы с «российской пропагандой».

8. На уровне межгосударственных объединений развитие системы информационного противодействия России проходило по пути

инкорпорации информационных и «гибридных» угроз в военно-стратегический аппарат НАТО и ЕС. Для подкрепления политических обязательств о возможности задействования гарантий безопасности НАТО для отражения «гибридных атак» в структуре Альянса были образованы уже не просто аффилированные центры, а стационарные подразделения, осуществляющие мониторинг, планирование операций и подготовку потенциала для задействования в случае «гибридных сценариев» конфликтов. Также Альянс продолжил играть направляющую роль в формировании повестки дня в области «гибридных угроз» для Европейского союза, в том числе с помощью образованного для этих целей Европейского центра передового опыта в Финляндии. В структуре европейского компонента данной системы в этот период выделяются три ключевых самостоятельных направления: 1) предупреждение и нейтрализация вызовов в киберпространстве, 2) отражение «гибридных угроз» и 3) борьба с дезинформацией и «фейковыми новостями», в рамках которой отдельное значение придаётся регулированию социальных сетей. Благодаря активному подключению Еврокомиссии был достигнут значительный прогресс в виде формирования отдельного механизма регулирования «дезинформации» со специально прописанными критериями и принципами, а также ответственностью СМИ и соцсетей за удаление нежелательного «пропагандистского» контента.

Теоретическая значимость исследования заключается в переосмыслении концепта «гибридной войны» как особого идеологического конструкта, введённого в западное публичное и академическое пространство для решения конъюнктурных политических задач в контексте конфронтации с Россией, а не описания реально существующего или вновь открытого феномена, а также в углублении представлений о дискурсивном конструировании политической реальности в западном публичном пространстве, в том числе через экспертные и академические публикации программирующего, а не описательного, характера.

Полученные результаты могут стать основой для дальнейшего изучения внешней политики западных стран и межгосударственных объединений, механизмов формирования и реализации их политического курса в отношении России и постсоветского пространства, в том числе механизма дискурсивного конструирования угроз.

Практическая значимость исследования. Положения и выводы данного исследования могут быть использованы для выработки целевых основ внешней политики России в отношении Запада в условиях комплексной политико-стратегической конфронтации, а также для разработки инструментов обеспечения международного имиджа и информационной безопасности государства. Кроме того, они могут быть использованы в ряде учебных дисциплин, связанных с внешней политикой России, современными международными отношениями, конфликтологией и информационной безопасностью.

Область диссертационного исследования соответствует пункту п. 2 «Субъекты международных отношений. Деятельность государственных и негосударственных акторов. Формальные и неформальные институты в международных отношениях и в мировой политике. Формирование и реализация внешнеполитических стратегий, концепций и доктрин» и п. 17 «Информационные, когнитивные, био- и другие новые технологии в международных отношениях и мировой политике» паспорта специальности 5.5.4. – «Международные отношения, глобальные и региональные исследования».

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации были представлены автором на ряде научных конференций: XVII Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы в современной науке» (г. Томск, 2018 г.), XII Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы в науке и практике» (г. Самара, 2018 г.)

Основные результаты исследования, представленные в диссертации Царика В.С. отражены в 8 научных публикациях, общим объемом 5,8 п.л., в том числе 4 из них в журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, а также входящих в Перечень изданий, утвержденных решением Ученого совета Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации от 17 апреля 2018 года.

А. Статьи в изданиях, входящих в Перечень рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

1. Царик, В.С. Конструирование «гибридной войны» в западном информационном пространстве: основные стадии и субъекты / В.С. Царик // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». – 2020. – № 3. – С. 20-34. (0,9 п.л.)

Б. Статьи в изданиях, рекомендованных Ученым советом РАНХиГС:

2. Царик, В.С. Система противодействия «российской информационной угрозе» на Западе: структура, основные уровни и инструменты / В.С. Царик // Среднерусский вестник общественных наук. – 2018. – Том 13. – № 6. – С. 97-110. (0,7 п.л.).

3. Царик, В.С. Борьба с «российской дезинформацией» в публичном позиционировании западных институтов: анализ официальных сайтов НАТО и Европейского союза / В.С. Царик // Среднерусский вестник общественных наук. – 2019. – Том 14. – № 6. – С. 109-125. (1 п.л.).

4. Царик, В.С. Противодействие «российской информационной угрозе» в политике Европейского союза после украинского кризиса: дискурсивный и институциональный аспекты / В.С. Царик // Среднерусский вестник общественных наук. – 2020. – Том 15. – № 5. – С. 107-123. (0,9 п.л.).

В. Иные статьи автора:

5. Царик, В.С. Западная интерпретация информационных конфликтов вокруг Эстонии и Грузии в 2007-200 гг. в русле концепции «гибридной войны» / В.С. Царик // Актуальные вопросы в современной науке: Сборник статей по материалам XVII международной научно-практической конференции. – Уфа: Дендра, 2018. – С. 173-182. (0,5 п.л.).

6. Царик, В.С. Основные подходы к исследованию «гибридной войны» в российской политологической мысли / В.С. Царик // Актуальные вопросы в науке и практике: сборник статей по материалам XIII международной научно-практической конференции. – Уфа: Дендра, 2018. – С. 161-171. (0,5 п.л.).

7. Царик, В.С. Деятельность западных негосударственных организаций и аналитических институтов в сфере борьбы с «российской дезинформацией» / В.С. Царик // Вестник Международного юридического института. – 2019. – № 4 (71). – С. 152-165. (0,7 п.л.).

8. Царик, В.С. Принцип поэтапности в ужесточении регулирования информационного пространства в ответ на «российскую информационную угрозу» (на примере Германии и Франции) / В.С. Царик // Вестник Международного юридического института. – 2020. – № 3 (74). – С. 14-27. (0,6 п.л.).

Структура диссертации определена целями и задачами исследования. Работа выполнена в объёме, соответствующем требованиям ВАК, и состоит из введения, трёх глав, восьми параграфов, списка использованных источников и литературы.

/В. С. Царик/